

Библиотека
№5

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ЦАРСКОСЕЛЬСК ИХ ЛЕБЕДЕЙ...

К 165-летию со дня
рождения И.Ф. Анненского
Виртуальная литературная
гостиная

2021

Инокентий
Фёдорович
Анненский

1856 – 1909 г.г.

Эпиграф:

**«...Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?..»**

И. Анненский

Царское село и Анненский

- *В стихотворении "Памяти Иннокентия Анненского" Н. Гумилев запечатлел его образ на фоне вечернего парка и назвал его "последним из царсосельских лебедей". Образы, навеянные Царским селом, его парками, печальны своей обреченностью, призрачностью.*

Детство

Иннокентий Федорович Анненский родился 1 сентября 1856 года в Омске, в семье государственного чиновника. Анненский учился сначала в частной школе, затем год – во 2-й петербургской прогимназии, которую окончил в 1868 году.

С 1869 года он два с половиной года обучается в частной гимназии В.И. Беренса.

После окончания университета и почти до конца жизни Анненский преподавал древние языки, античную литературу, русский язык и теорию словесности в частных гимназиях, на Высших женских (Бестужевских) курсах и др.

В 1891-93 гг. директор Коллегии Павла Галагана в Киеве, 8-й петербургской мужской гимназии (1893-96).

В 1896-1905 — директор Николаевской мужской гимназии в Царском Селе (уволен в связи со студенческими беспорядками), где его учениками были [Н.С. Гумилев](#), Н. Н. Пунин.

В качестве инспектора Петербургского учебного округа (с 1906) совершал поездки по России, в которых (или по их впечатлениям) создал многие лучшие, так называемые «дорожные» стихи.

Стихи начал писать в 1870-1880-е годы; занимался переводами, но как поэт не был известен современникам, он избегал литературной среды и развивался изолированно (писание стихов плохо сочеталось с педагогической деятельностью, обликом «чопорного», подчёркнуто корректного чиновника).

Он имел репутацию знатока античности, филолога-классика, переводчика и необычного педагога.

Первые публикации

Выход его поэтического сборника «Тихие песни» в 1904 г. под псевдонимом Ник. Т-о (от греческого «утис» — «никто»; так называет себя Одиссей) по существу не был замечен критикой и символистами.

Сборник включал также переводы из Горация, Ш. Бодлера, П. Верлена, Ш. Леконта де Лиля (о нём позднее Анненский написал статью), С. Малларме.

Французские символисты, «проклятые» поэты оказали первоначальное влияние на творчество Анненского. Старше русских символистов по возрасту, литературно и мировоззренчески Анненский не вписывался в символистскую школу, хотя многими мотивами и перекликался с ней.

Античная тема

С конца 1880-х годов печатает рецензии по славянской и классической филологии, статьи о творчестве русских классиков, переводы Еврипида. Анненский осуществил полный комментированный перевод близкого ему своим кризисным мироощущением и скептицизмом древнегреческого трагика, со своими толкованиями его пьес (Театр Еврипида. М., 1916-21).

На древнегреческие мифологические сюжеты Анненский написал несколько оригинальных драм: «Меланиппа-философ» (1901), «Царь Иксион» (1902), «Лаодамия» (1902; опубликована в 1906), «Фамиракифаред» (1906; опубликована в 1913; 2-е изд. 1919); «античные схемы» совмещались в них, по его собственным словам, с «модернизацией в психологической разработке мифа», за античностью легко угадывались мучительные проблемы человека начала 20-го столетия; так, царь Иксион предстаёт вариацией героя-ницшеанца.

Журнал «Аполлон»

В 1909 С.К. Маковский привлёк Анненского к созданию журнала «Аполлон», некоторое время он был его фактическим редактором.

В последний год жизни Анненский обрёл сочувственную творческую среду, читал лекции в Обществе ревнителей художественного слова при журнале, опубликовал в нём статью «О современном лиризме» (№ 1-3, первую часть — при жизни): наряду с критическими отзывами о поэтических сборниках молодых поэтов статья содержала оценки признанных мэтров символизма, высказанные без должной почтительности, и вызвала раздражение многих писателей; была снята предполагаемая подборка его стихов в «Аполлоне».

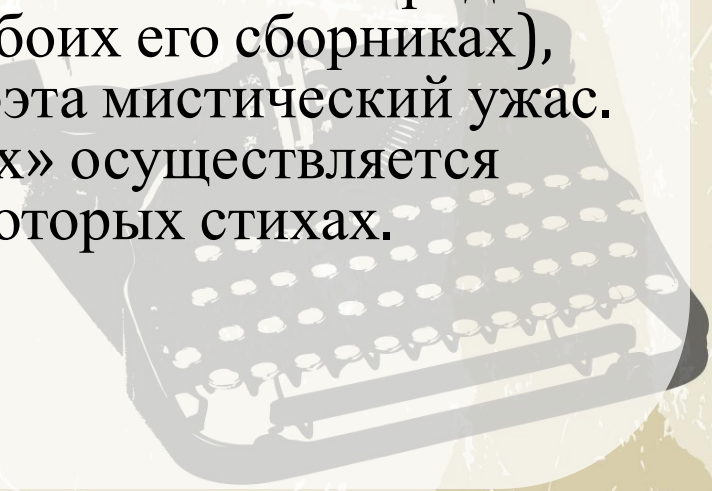

Анненский неожиданно
скончался на
Царскосельском вокзале.
Главная книга стихов
«Кипарисовый ларец» (М.,
1910) вышла уже после его
смерти, в её композиции
принимал участие сын поэта,
В.И. Кривич (1880-1936 гг.).

Поэт и окружающий мир

Поэтический мир Анненского, мир «расширившегося» современного «я», лишён чёткости, определённости, это зыбкий, размытый мир, мир на исходе — угасания, увядания, убывания; в нём томится и тоскует усталая душа, не находя пристанища в реальном. Отторжение от человеческого мира не носит характер романтического разоблачения его неистинности, лирическое «я» поэта как бы выпадает из него: он страшен своей бедностью, «тусклостью», бессмысленностью страдания и непросветлённостью быта (у Анненского это быт горожанина: реалии и изломы городской жизни занимают заметное место в обоих его сборниках), «кошмар» обыденности вызывает у поэта мистический ужас. И только через боль, «слёзы нищих» осуществляется сцепление с этим миром в некоторых стихах.

«Утро»

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-чёрных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.
На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придёт ли рассвет
Или это уж полный конец...
О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...
Облака ещё плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнуться попробовал День.

В 1905-1906 гг. царское правительство чинило в Эстонии расправы с революционными рабочими и крестьянами. В частности, 16 октября 1905 была расстреляна демонстрация в Таллине (тогда Ревель), о которой, возможно, и говорит поэт.

Если ночи тюремны и глухи,
Если сны паутинны и тонки,
Так и знай, что уж близко старухи,
Из-под Ревеля близко эстонки.

Вот вошли, - приседают так строго,
Не уйти мне от долгого плена,
Их одежда темна и убога,
И в котомке у каждой полено.

Знаю, завтра от тягостной жути
Буду сам на себя непохожим...
Сколько раз я просил их: «Забудьте...»
И читал их немое: «Не можем».

Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня - только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый.

Но учтивы - столпились в сторонке...
Да не бойся: присядь на кровати...
Только тут не ошибка ль, эстонки?
Есть куда же меня виноватей.

Но пришли, так давайте калякать,
Не часы ж, не умеем мы тикать.
Может быть, вы хотели б поплакать?
Так тихонько, неслышно... похныкать?

Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берёз на могилах...
Возмоет ли, передышка ли...

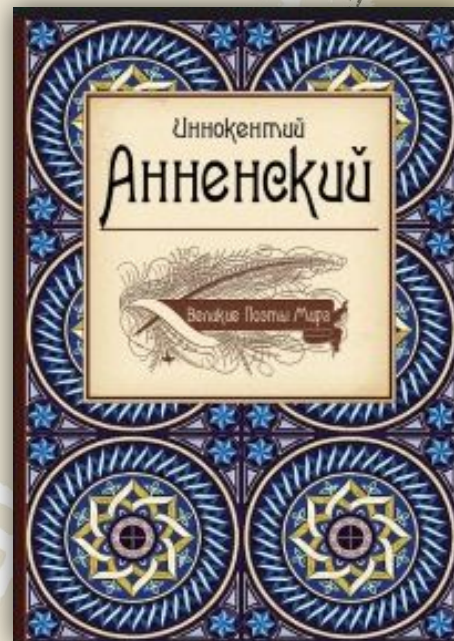
«Старые Эстонки»

«Октябрьский миф»

Мне тоскливо. Мне невмочь.
Я шаги слепого слышу:
Надо мною он всю ночь
Оступается о крышу.
И мой ль, не знаю, жгут
Сердце слёзы, или это
Те, которые бегут
У слепого без ответа,
Что бегут из мутных глаз
По щекам его поблёклым,
И в глухой полночный час
Растекаются по стёклам.

«Скука»

Скука («Оставь меня. Мне ложе стелет Скука» — «О нет, не стан») и тоска, которая у Анненского едва ли не одушевлённое существо, явились ответом поэта на первичную реальность бытия.

Безысходность

Но и высокие переживания — глубокие и парадоксально-изысканные страдания, странная любовь, уклонение от счастья, мечты и «светлые миги» — не дают опоры бытию: они также призрачны, бесследны; их угасание, исчерпанность, миражность — неизменный «атрибут» поэзии Анненского.

«Что счастье?»

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное прости?

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастья бьётся
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг - и ввысь оно взовьётся
Невозвратно и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознания,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

*Улыбка моя была тогда летела
И слышалась - ласково журчала*

*Улыбка моя была тогда летела
И слышалась - ласково журчала*

***

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво:
Пусть в сердце огонь языками
Походит — ему ничего.
И точно: мне было не больно,
А больно, так разве чуть-чуть.
И всё-таки лучше довольно,
Задуй, пока можно задуть...
На сердце темно, как в могиле,
Я знал, что пожар я уйму...
Ну вот... и огонь потушили,
А я умираю в дыму.

Сама красота — безусловная и неотменяемая ценность, исповедуемый поэтом символ веры, который он сам называл «чистым (то есть бескорыстным) эстетизмом» или «эстетизмом высшего порядка» («Книги отражений») — надломленная, померкшая или застывшая. Постоянна в поэзии Анненского смерть и память о ней (многие стихи — прямое описание похорон), проникающая все сферы жизни, но и она лишена таинственного ореола и может обернуться «равнодушно дышащею Дамой» («Баллада»).

Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.

Сад старинный — все осины — тощи, страх!
Дом — руины... Тины, тины, что в прудах...

Что утрат-то!.. Брат на брата... Что обид!..
Прах и гнилость... Накренилось... А стоит...

Чье жилище? Пепелище?.. Угол чей?
Мертвой нищей логовище без печей...

Ну как встанет, ну как глянет из окна:
«Взять не можешь, а тревожишь, старина!

Ишь затейник! Ишь забавник! Что за прыть!
Любит древних, любит давних ворошить...

"Старая усадьба"

Не сфальшивишь, так иди уж: у меня
Не в окошке, так из кошки два огня.

Дам и брашна — волчьих ягод, белены...
Только страшно — месяц за год у луны...

Столько вышек, столько лестниц — двери нет...
Встанет месяц, глянет месяц — где твой след?..»

Тсс... ни слова... даль былого — но сквозь дым
Мутно зрима... Мимо... мимо... И к живым!

Иль истомы сердцу надо моему?
Тени дома? Шума сада?.. Не пойму...

«У ГРОБА»

В квартире прибрано.
Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Природа и поэт

Мир внутреннего «я», природы, «повторяющей» пограничное и томительное человеческое существование, Анненский передаёт музыкальными (иногда романсными) ритмически разнообразными стихами, яркими, красочными метафорами, особенно при воссоздании звука и цвета.

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От неё даже дыму
Не уйти в облака.
Эта резанность линий,
Этот грузный полёт,
Этот нищенский синий
И заплаканный лёд!
Но люблю ослабелый
От заоблачных нег –
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...
И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,
Точно стада в тумане
Непорочные сны –
На томительной грани
Всесожженья весны.

[1909]

«ЛИСТЫ»

На белом небе всё тусклей
Златится горящая лампада,
И в доцветании аллея
Дрожат зигзаги листопада.
Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

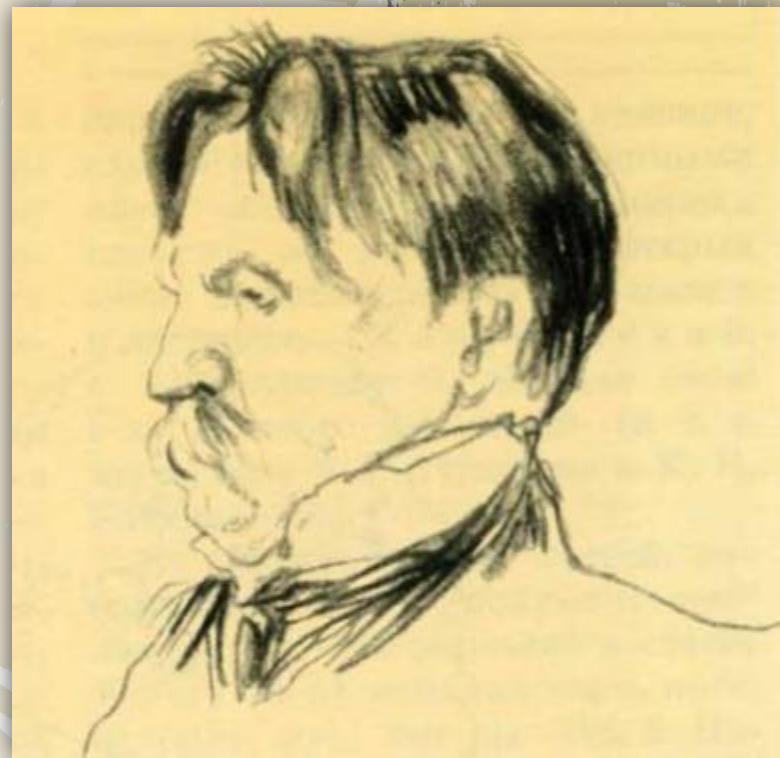
Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

3 апреля 1909, Ц[арское] С[ело]

Присутствие иного мира — «там» — редко обретает статус подлинности, пространства, в котором возможны «лучезарное слиянье» или «сияющая красота», чаще — это «обманувшая отчизна» («Зимнее небо») или «похоронная истома», открывающая внутреннему взору «...и роскошь цветников, где проступает тленье» («Август»). Так смыкается у Анненского безысходность посю- и потустороннего мира.

Иннокентий АННЕНСКИЙ.
Худ. А.Н.Бенуа.

Чисто анненковский мотив — переживание несбывшегося, идеально-невозможного, «непознанного» как невозвратной и трагической, но состоявшейся реальности: здесь с особенной силой выражена тоска по равному поэту событию или чувству при осознании их принципиальной нереализуемости.

О. Мандельштам писал о «горьких, полынно-крепких стихах» Анненского, каких «никто ни до, ни после его не писал» (Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987).

Пейзаж становится одним из важнейших инструментов передачи эмоций и настроений человека – духовный и материальный миры в лирике И.Ф. Анненского сливаются, проникают друг в друга, отражаются.

Раззолочённые, но чахлые сады
С соблазном пурпура на медленных
недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких
дугах,
Невластный вылиться в душистые
плоды.
И желтый шелк ковров, и грубые
следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...
Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Морские зарисовки не становятся исключением: через описания подвижности и изменчивости морских пейзажей поэт выражает колоссальную палитру чувств: от штормов безнадежного отчаяния до сверкающих приливов радости.

В морской лирике Анненского – вечный поиск ускользающей красоты, любви, вдохновения.

VILLA NAZIONALE

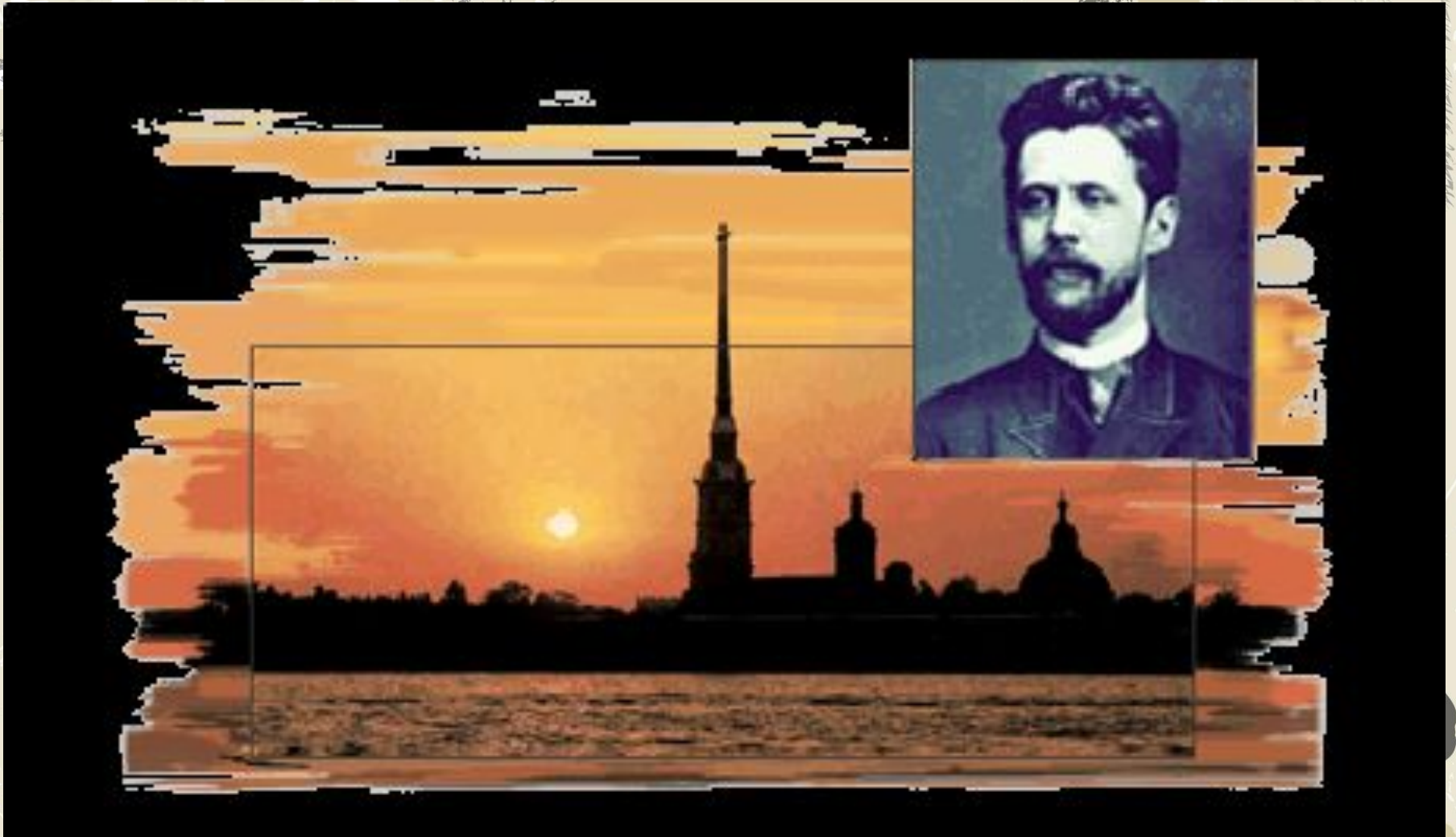
Смычка заслушавшись,
тоскливо
Волна горит, а луч померк,-
И в тени душевные залива
Вот-вот ворвется фейерверк.

Но в мутном чаянье испуга,
В истоме прерванного сна,
Не угадать Царице юга
Тот миг шальной, когда она

Развяжет, разоймет, расщиплет
Золотоцветный свой букет
И звезды робкие рассыплет
Огнями дерзкими ракет.

«Последний из царскосельских лебедей...»

Связь искусства и жизни и противостояние ей («непризнанность» жизни по Анненскому — исходный посыл и стимул творчества у разных художников), её эстетическое преодоление, способы «овладения» жизни искусством, психологические законы её претворения в «художественность» определяют своеобразие не сведённой в систему, импрессионистичной по стилю, но целостной эстетики Анненского.

В 1910-е годы складывается посмертный культ Анненского в кругу акмеистов и других постсимволистов; Н.С. Гумилёв, А.А. Ахматова, О.Э. Мандельштам, Б.Л. Пастернак, малоизвестные молодые поэты считают себя его учениками, возникает миф об Анненском — «царскосельском Малларме».

